

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СЕЛЕНИЯ ЧАДАКОЛОБ

О.М. Давудов,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

ihae_dnc@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена характеристике находок (украшения из бронзы VII в.), обнаруженных на окраине с. Чадаколюб Тляратинского района Республики Дагестан, у стены древнего святилища. Основная часть находок хранится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Некоторые изделия находятся у директора местной школы О.М. Омарова, эти предметы и служат основой данного исследования. По заключению автора, они характеризуют местную археологическую культуру, металлургию и металлообработку, отражают культурно-экономические контакты местного населения с сопредельными племенами. Датируются эти находки VII в.

Summary: The article is devoted to a characterization of the findings (the bronze ornaments of the 7th century), discovered in the Chadakolob village outskirts, Tlyarata district, the Republic of Dagestan, by a wall of an ancient sanctuary. The greater part of the findings is kept in the State Hermitage (St. Petersburg). Some jewelry is kept by O.M. Omarov, headmaster of the local school. These items serve as a basis of the given study. According to the author's conclusion, they characterize the local archaeological culture, metallurgy and metalworking; reflect the cultural and economic contacts of the local population with the neighboring tribes.

Ключевые слова: Чадаколюбское святилище, клад, культовые предметы, богиня плодородия.

Keywords: sanctuary of Chadakolob, treasure, religious items, goddess of fertility.

На склоне горного отрога, ограниченного с юга рекой Хван-ор и с востока Сара-ор, расположено селение Чадаколюб Тляратинского района, дома которого разбросаны по склону. Здесь прекрасная природа, много «солнца, леса, пастбищ, воды» (Ахмедханов К.Э., 1988. С. 103). Встречаются обширные красивые поляны. Место весьма привлекательное для массовых мероприятий, культовых церемоний. По рассказам директора местной средней общеобразовательной школы Омарова Омара Мансуровича* [Приношу большую благодарность Омару Мансуровичу за информацию о памятнике и за любезное разрешение ввести в научный оборот материалы, хранящиеся у него] на одной из полян, на окраине современного селения находилось небольшое возвышение. С целью добычи камня он раскопал его и уже под дерном обнаружил остатки аккуратно сложенной стены, образовавшей угол помещения. Внутри него он обнаружил еще один угол, образованный стеной. В этом углу он встретил яму глубиной до 2 м. Она была

перекрыта каменными плитами. В яме он обнаружил керамический сосуд высотой около 70 см. В сосуде находились бронзовые предметы. Их общий вес составлял 62 кг. Находки он передал Государственному Эрмитажу, где они в настоящее время и хранятся. Сотрудники Эрмитажа Я. Доманский и Ю. Пиотровский опубликовали небольшую статью об этом кладе (Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984. С. 36–28). По их словам, в составе коллекции в Эрмитаже находятся 220 предметов хорошей сохранности. Среди них 27 бронзовых блях, 21 головная булавка с навершием в виде скульптурных фигурок животных, одна бронзовая фигурка с навершием в виде скульптурного изображения человека, 70 бронзовых булавок с волнитообразным навершием, 14 бронзовых привесок (в виде головы животного, двухголовой фигурки, очковидные и шарообразные), 22 экз. бронзовых браслетов, бронзовые колокольчики, цепочки, более 40 каменных бус, бронзовая чаша, бронзовая ложка, бронзовые иглы, две пуговицы – одна из бронзы, другая из железа, маленькое железное колечко (Рис. 2, 1–6). Бронзовые предметы покрыты зеленой патиной. На некоторых предметах встречаются следы окислов железа, а на других – отпечатки ткани. Датируют они памятник второй четвертью I тыс. до н.э., вполне справедливо полагая, что памятник представляет собой святилище (Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984. С. 36–28).

Мы посетили селение Чадаколюб, осмотрели место, где в свое время располагалось святилище. В настоящее время это ровная поляна, откуда во все стороны света открывается прекрасный вид. Мимо проходит автомобильная дорога (Рис. 1).

Но раскопки этого интересного памятника, хотя и частично уничтоженного, позволят уточнить его характер.

У Омара Мансуровича хранятся некоторые не переданные им в Эрмитаж находки из клада этого святилища. Отдельные предметы он, – человек добрый, отзывчивый и щедрый, – подарил своим друзьям и знакомым. Они позволяют уточнить характер и хронологию памятника, а также осветить многие важные вопросы материальной и духовной культуры горцев Западного Дагестана. Они составляют небольшую, но выразительную коллекцию. Среди них имеются:

1. Бронзовый жезл или навершие жреческого посоха. Он напоминает рукоятку закавказских составных кинжалов эпохи поздней бронзы – раннего железа: цилиндрическая рукоять увенчана луковичевидной головкой. Внизу с боковой стороны рукоятки припаяна петля, к которой подвешивали какой-то предмет (колокольчик?). Навершие богато орнаментировано. Ствол украшен поперечными гравированными поясами, собранными в три группы, головка – двумя концентрическими линиями из резных треугольников (больших и малых), опоясывающих сферическую поверхность. Само изделие полое, отлитое по восковой модели с применением формочной массы. Длина предмета – 170 мм, длина рукоятки – 67 мм, высота головки – 63 мм, диаметр головки – 70 мм (Рис. 3, 1а,б).

2. Бронзовая головная булавка с навершием в виде стоящего тура. Образ животного передан реалистически, выделены мелкие детали. Ноги животного книзу сведены вместе, крутые рога гордо поднятой головы откинута назад. Четко обозначены хвост и морда с горбатым носом. На крупе и животе животного изображены пояса, украшенные елочным орнаментом. Круглый, заостренный к концу стержень под навершием уплощен и расширен, имеет отверстие. Снаружи расширения украшены двумя противоположными шишечками. Длина булавки – 260 мм, длина стержня – 213 мм, высота животного – 47 мм, расстояние от хвоста животного до его груди – 18 мм, расстояние от хвоста до морды – 36 мм, диаметр отверстия – 5 мм. Эта головная булавка подарена мне моим другом Магомедом Насуховым, работавшим ранее директором Арадинской средней школы. Он ее получил от Омара Мансуровича (Рис. 4, 1).

3. Такая же булавка с навершием в виде стоящего тура. Голова тура отломана. Образ животного также передан реалистически, выделив мелкие детали. Ноги животного книзу сведены вместе. Четко обозначен хвост. На крупе и животе животного обозначены пояса, украшенные елочным орнаментом. Круглый заостренный к концу стержень под навершием уплощен и расширен, имеет отверстие, снаружи расширения украшены двумя противоположными шишечками. Длина булавки (сохранившейся части) – 241 мм, длина стержня – 213 мм, высота животного – 35 мм, диаметр отверстия – 5 мм (Рис. 3, 2 а,б).

4. Бронзовая булавка с волнитообразным навершием. Заостренный к концу круглый стержень булавки в верхней части под навершием имеет уплощенное расширение с отверстием. По сторонам отверстия и внизу него резные линии, составляющие елочный орнамент. Длина булавки – 234 мм, диаметр волнот – 24 мм, диаметр отверстия – 8 мм (Рис. 3, 3 а, б).

5. Такая же бронзовая булавка с деформированным навершием: от завитков сохранились небольшие усики. Конец круглого стержня сломан. Под основанием навершия стержень уплощен и расширен, имеет отверстие с одним звеном цепочки. Длина сохранившейся части булавки – 200 мм, диаметр отверстия – 5 мм (Рис. 4, 2).

6. Бронзовая пряжка-сюльгама. Изготовлена из круглой в сечении проволоки, свернута в овальную форму с закрученными концами заостренной проволоки. Сохранились остатки язычка. Размер кольца – 59×39 мм, диаметр проволоки – 6 мм (Рис. 4, 3).

7. Бронзовый браслет с разомкнутыми концами из круглой в сечении проволоки. Диаметр браслета – 85 мм, диаметр проволоки – 5 мм (Рис. 4, 5).

8. Бронзовая крестовидная фибула, изготовленная из плоской пластины. Длина – 100 мм, ширина пластины – 7 мм, ширина крестовины – 14 мм, толщина пластины – 2 мм (Рис. 4, 4).

9. Бронзовая композиция антропоморфных статуэток представляет собой изображение двух людей, расположенных друг против друга по сторонам цилиндрического сосуда. Первая фигура представляет собой изображение крупного человека, восседающего на четырехугольном стуле (троне). Ее голова увенчана коническим убором, напоминающим шлем-шишак, с шеи на грудь ниспадают ожерелья, на запястьях рук – браслеты. Скорее всего, она передает образ женщины. Между ее ногами зажат цилиндрический сосуд. Ее правая рука покоится на сосуде, а левая – на боку. Против нее стоит мужчина с выраженным фаллосом, опирающимся в сосуд. У него правая рука положена на сосуд, а левая – на бок, на голове убор, аналогичный тому, что на женщине, напоминающий шлем-шишак.

Обнаружил скульптурную композицию около селения Чадаколюб Тляра-тинского района при проведении автодороги житель этого же селения Ман-суров Шамиль Магомедович* [Приношу ему благодарность за любезное разрешение опубликовать композицию]. Высота сидящей фигуры раза в два больше высоты впереди стоящей. Размер подставки – 38×38×4–5 мм; высота композиции – 75 мм; высота торса женщины – 55 мм; высота стула – 21 мм; высота мужчины – 51 мм, высота сосуда – 20 мм, диаметр устья сосуда – 18 мм (Рис. 5-а,б).

10. Бронзовая статуэтка стоящего на подставке человека с поднятыми и выставленными вперед обеими руками. Отломанный фаллос выставлен вперед горизонтально, обозначены небольшие женские груди и пупок. Голова увенчана трехзубчатым ирокезом, видимо, передающим корону. Уши торчат, глаза большие, подбородок острый. Изображение передает образ гермафродита. Высота фигуры – 150 мм, высота статуэтки – 127 мм (Рис. 2,7-а,б).

Описанные находки дополняют большую коллекцию Государственного Эрмитажа, обнаруженную около селения Чадаколюб. Основная часть их происходит из закрытого комплекса. Две находки – статуэтка стоящего человека и скульптурная композиция, – непосредственно не связаны с указанным кладом, но обнаружены в окрестностях селения, поблизости от святилища и каким-то образом связаны с ним. Коллекция, как утверждают Я. Доманский и Ю. Пиотровский, исключительно своеобразная (Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984. С. 37). Это своеобразие обусловлено ее культовым характером. Она формировалась в течение продолжительного времени из предметов, принесенных в святилище в жертву божеству. Среди них имеются и импортные изделия. Я. Доманский и Ю. Пиотровский сопоставляют находки с предметами кобанской культуры. Надо признаться, что влияние кобанской культуры на предметы материальной культуры Дагестана действительно прослеживается. Оно отмечено и по памятникам Дагестана эпохи раннего железа. Оно же ощущается на предметах материальной культуры эпохи раннего средневековья, в том числе по бежтинским пряжкам (Давудов О.М., 1974. С. 106–120. Рис. 26–30; Давудов О.М., Маммаев М.М., 2011). Это объясняется близким соседством носителей кобанской культуры и населения, оставившего Чадаколюбское святилище, их культурными, этническими и экономическими контактами. Но чадаколюбские находки не являются предметами кобанской культуры. То же самое следует сказать о предметах, связанных с культурами Передней Азии и Южного Кавказа. Но судить, насколько правы авторы при рассуждении о чадаколюбской коллекции, я не берусь. Тем более, что не все предметы изданы, и статья носит предварительный характер.

Мы в настоящей статье рассматриваем вышеописанные предметы из Чадаколюбского святилища, имеющиеся в нашем распоряжении. Они, в основном, характеризуют особенности местной культуры. В тоже время чадаколюбские артефакты отражают влияние сопредельных культур.

Навершие посоха (Рис. 3, 1) – уникальное изделие. Оно не имеет точных аналогий среди древностей Дагестана и сопредельных районов. Но по стилю производства оно отличается от кобанских древностей. Вместе с тем оно напоминает рукоятки кинжалов из Закавказья, у которых имеются ажурные, отлитые по восковым моделям полусферические или луковичевидные навершия рукояток и узоры из ажурных рядов треугольников. Орнамент на чадаколовском навершии богаче: полусферическая головка украшена двумя поясами из равнобедренных треугольников: верхний ряд состоит из крупных треугольников, обращенных острыми углами вверх, нижний – из таких же треугольников, но мелких. Гравированные поперечные пояса на стволе рукоятки напоминают орнамент на талышских двутрубчатых кинжалах – рапирах (Давудов О.М., 1980. С. 62–77. Рис. 1,25).

Булавки с волотообразными навершиями (Рис. 3,3-а,б) были широко распространены в Передней и Средней Азии, а также в Индии с глубокой древности (Куфтин Б.А. 1956. С. 278. Рис. 24; Чайлд Г., 1956. С. 217; 1952. С. 89. Рис. 27, 9; Chirschman R., 1938. P. 87. Taf. XXIX, I, b; XCV, 1602, a, e.; Schmidt E. F., 1937. XXI, 478. P. 320. XXIX, H. 4856; Schliemann H., 1885. P. 617. Fig. 912). На Кавказ они, видимо, проникли из Передней Азии (Марковым В.И., 1960. С. 96). В Грузии они известны на памятниках ранней и средней бронзы, (Джавахишвили А.И., Глонти Л.К., 1962. С. 62. Табл. XXXVI; Чубиншвили Т., 1963. С. 97. Рис. 14; Куфтин Б.А., 1949. С. 79, 80. Табл. XVIII; Джапаридзе О.М., 1962. С. 264, 265. Табл. XIII, 8, 9; Табл. XIX. I: Табл. XXIV. 3), на Северном Кавказе – на памятниках первой половины II тыс. до н.э. и к середине его становятся распространенным видом украшений (Нальчик – Деген Б.Е., 1941. Рис. 345; 40,1; Табл. VII 3; X; Гатин-Кале – Крупнов Е.И., 1958. № 3. С. 98. Рис. 1, 1; Марковин В.И., 1960. С. 95, 96. Рис. 43, 11; 1963. С. 124. С. 1, 1; 15, 5; 17, 2; 21, 2; 28, 6; Гинчи – Гаджиев М.Г., 1969. С. 138–139 и др.). Встречаются они и на памятниках кобанской культуры (Сержен-Юрт, Куренной-беной и др. – Козенкова В.И., 1982. С. 56–57).

Булавка с навершием в виде стоящего на вершине стержня тура или горного козла (Рис. 4, 1). Изображения животных на вершине булавок имеет глубокую историю. Среди древностей кобанской культуры имеются изображения животных на вершинах различных украшений. Но они изображены в несколько ином стиле. Украшения с изображениями животных встречаются на памятниках Передней Азии эпохи бронзы (Библос – Ливан, Мегедо – Палестина, Алишар-Хоюк – Малая Азия, Луристан – Персия – Schaeffer Claude F.A., 1948. P. 64, 65). По стилю изображения чада-коловская булавка ближе к переднеазиатским изделиям.

Более надежной датировке поддается фибула с крестовидной спинкой (Рис. 4, 4). Такие фибулы наиболее популярны на памятниках Абхазии античного и раннесредневекового времени (Воронов Ю.К., Юшин В.А., 1973. С. 171–192; Воронов Ю.Н., С. 119–122). Среди них встречаются формы, аналогичные чадаколовским фибулам с пластинчатой спинкой, оформленной в виде креста в основании дуги. Одна такая фибула была обнаружена в погребении VII в. Верхнечирюртовского могильника (Ковалевская В.Б., 2005. Рис. 41,1; 71,3; 82). Такая же фибула происходит из катакомбы VII в. могильника Чми (Северная Осетия – Амброз А.К., 1971. Рис. 15, 3. С. 106–134). К этому же времени может быть отнесена и чадаколовская фибула.

Для подтверждения этой даты особый интерес представляет бронзовая пряжка-сюльгама (Рис. 4, 3). Аналогичные пряжки в Дагестане найдены в комплексах раннего средневековья Урцекского, Аркаского, Карабудахкентского I и III, Новолакского, Тлибишинского, Бежтинского могильников и в погребениях Большого Буйнакского кургана. Имеются они и среди случайных находок – Карата, Алмак и др. (Смирнов К.Ф., 1961. С. 212, 216. Рис. 37,26; 40,107, 108; Пикуль М.И., 1967. С. 138,140,141. Рис. 26,4; Атаев Д.М., 1963. С. 138–141. Рис. 17,13,15; Исаков М.И., 1966. С. 88. Рис. 14, 2,3; Абрамова М.П., 1980. С. 131–132. Рис. II, 8–11; 111,5–15; V, 6–10; Маммаев М.М., 1989. Рис. 60,2; Давудов Ш.О., 2006. С. 55–70). Наиболее крупные пряжки-сюльгамы, изготовленные из круглой в сечении проволоки, отнесены М.Х. Багаевым к VII в. (Багаев М.Х., 2008. С. 152. Рис. 237, 20, 20а).

Все вышеприведенные нами материалы из Чадаколовского закрытого комплекса, хранящиеся у Омара Мансуровича Омарова, могут быть датированы VII в. Вместе с тем, для них характерна определенная архаичность. Поэтому мы пока не отвергаем даты, предложенные Я. Доманским и Ю. Пиотровским. Это допускает и характер самого клада, накопленного в течение продолжительного времени из предметов, принесенных в жертву божеству. При этом даты чадаколовских находок должны быть помещены в хронологические рамки бежтинско-дайской археологической культуры, с которыми они связаны. Это означает, что нуждаются в проверке и даты эрмитажной коллекции.

Особо следует остановиться на дате статуэток.

Скульптурная композиция (Рис. 5) из двух персонажей, расположенных друг против друга по сторонам цилиндрического сосуда, может быть датирована по стилю изображения мужской фигуры. Она передана в той же манере и технике, что и плоско-вогнутые антропоморфные статуэтки адорантов из Западного Дагестана. Ранее мы, вслед за М.С. Гаджиевым, определили даты некоторых статуэток из Западного Дагестана позднеасанидским временем (*Гаджиев М.С.*, 1996. С.49–50; 1997. С. 222–228; 2000. С.34–37; 2001. С.76–86; <http://www.transoxiana.com.ar/Eran/Articles/gadjiev.html>; 2006. Р. 199–212; *Давудов О.М.*, 2012. С. 308–310; 2012. С. 38–42; 2012. С. 104–132). При производстве скульптурной композиции использована старая традиционная техника литья по восковой модели. Это означает, что она изготовлена в самом конце времени господства техники литья по восковым моделям и в начале литья по одностворчатым формам. Это может быть VII в. Скорее всего, здесь после VII в. статуэтки стали отливать в одностворчатые литейные формы из камня или глины. Эти статуэтки при остывании металла обретали плоско-вогнутые формы.

Приблизительно к этому же времени относится и антропоморфная статуэтка, увенчанная «трехзубчатой короной» (Рис. 2, 7). Она по характеру изготовления, по деталям передачи образа близка к статуэткам из Гигатлинского культового места и отлита по восковой модели. Как и гигатлинская женская статуэтка она увенчана «зубчатой короной». По этим признакам она может быть отнесена к тому же времени, что и гигатлинские и арчобские статуэтки.

Как выше уже говорилось, проанализированные материалы из Чадако-лоб происходят из святилища. С ним же связаны антропоморфная статуэтка и скульптурная композиция. В этой связи напрашивается вопрос, какое это было святилище, с каким божеством оно связано и кого изображают статуэтка и скульптурная композиция. Для ответа на этот вопрос рассмотрим все выразительные изделия.

Орнамент навершия посоха (Рис. 3, 1) в виде рядов треугольников, обращенных вершинами вверх, в Передней Азии и Кавказе символизирует мужское начало, устремленность к небу, надежду, достижение цели и новые возможности (*О'Коннелл М., Эйра Р.*, 2008. С. 112).

Унбоновидная чадаколобская бляха (Рис. 2, 5), опубликованная Я. Доманским и Ю. Пиотровским, украшена сложной орнаментальной композицией, выполненной в филигранной технике (*Доманский Я., Пиотровский Ю.*, 1984. С. 36. Рис.1). В центре диска помещен выступ, окруженный пятью кругами из уплощенной проволоки. За ними последовательно помещены полосы, обозначенные растительными линиями, переданными особым способом закрученной и раскованной проволоки. Все три полосы заполнены обтекающими спиралями, между которыми расположены мелкие диски. На краю диска изображено животное, в котором нетрудно распознать тура (горного козла). Над головой животного изображен диск. Такой же, но меньших размеров диск изображен на месте, где рога животного сходятся. К последнему примыкает еще одно стилизованное изображение кошачьего хищника, опирающегося мордой в голову козла. Эту картину можно воспринимать как сцену терзания козла хищником.

Вся орнаментальная композиция бляхи воспринимается как общая картина мироздания, в центре которой находится солнце. Три полосы с обтекающими спиралями можно воспринимать как три мира, по которым перемещается солнце. Причем, на краю диска помещено животное в образе небесного тура (горного козла), отмеченного знаком солнца. По космогоническим представлениям народов Кавказа земная твердь имеет круглую форму. На краю света стоит «древо жизни» или олень, соединяющее между собой все три мира. Здесь козел соединяет миры между собой. На древних предметах материальной культуры Передней Азии и Закавказья особенно часто и выразительно подчеркивается связь козла с деревом жизни.

Среди находок много головных булавок с навершием в виде стоящего тура (горного козла) (Рис. 4, 1). Для них характерны повязки на шее и животе. Очевидно, их надо воспринимать, как божьи отметины, связь с Верховным божеством. Козел рассматривается в мифах горцев Восточной Грузии и Западного Дагестана в качестве божества плодородия «Берика» (*Давудов О.М.*, 2012. С. 38–42; 2012. С. 104–132). В честь этого божества устраивались весенние аграрные праздники плодородия и возрождения природы – Берикаоба. Участники этого праздника надевали козьи шкуры, привязывали себе копыта и рога, а также красили лицо в чёрный цвет или надевали чёрную войлочную маску.

Особый интерес вызывает скульптурная композиция (Рис. 5). Она напоминает изображение сидящей богини и предстоящего Героя, широко распространенного в скифских памятниках

(Раевский Д.С., 1977. С. 95–101; Бессонова С.С., 1983. С. 98–113). Историки религии называют их то «адорацией», то «священной беседой», то «священным браком» (Бессонова С.С., 1983. С. 101). М.И. Ростовцев рассматривал эту сцену, как приобщение царя или миста к богине, приобщение к власти (Ростовцев М.И., 1913. С. 6–7, 13–14), М.И. Артамонов – как приобщение к божеству через вкушение жертвенной пищи (Артамонов М.И., 1961. С. 62), Б.Н. Граков, Кузьмина Е.Е., Раевский Д.С., Маразов И., С.С. Бессонова – как обряд приобщения к власти и покровительству богини (Граков Б.Н., 1971. С. 83; Кузьмина Е.Е., 1977. С. 96–120; Раевский Д.С., 1978. С. 115–133; Маразов К., 1976. С. 5; Бессонова С.С., 1983. С. 98–113). В чадаколовской скульптурной композиции у восседающего на «троне» персонажа не обозначены половые признаки, тогда, как у впереди стоящего человека мужские половые признаки подчеркнута выделены. Хорошо обозначены на женской фигуре ожерелья на шее и браслеты на запястьях рук. У восседающей на «троне» фигуры четко выражена связь с цилиндрическим сосудом. Такие же сосуды имеются в руках у статуэток женщин из западного Дагестана (Давудов О.М., 1974. С. 91–92; Табл. XVII, 1–5). Аналогичная статуэтка женщины из дворца Зимри-Лима в Мари (Месопотамия), держащей сосуд в руках, рассматривается как изображение богини плодородия Иштар (История древнего Востока, 1983. С. 479. Рис. 131а). У стоящих женских фигур из Дагестана и статуэтки из Мари женские половые признаки подчеркнуты.

Женские половые признаки не обозначены и у фигурки человека, сидящего на чадаколовской головной булавке. Головная булавка 2400 г. до н.э. из Библоса (Ливан) имеет навершие аналогичное чадаколовскому в виде сидящей на стуле женщины с младенцем в руках. Но у нее также не обозначены женские груди (Schaeffer Claude F.A., 1948. Fig. 67, 23). Из этого следует, что восседающий на «троне» персонаж из композиции и персонаж на головной булавке – богиня плодородия.

В этой связи интересно, что антропоморфная статуэтка с «трехзубчатой короной» из Чадаколов имеет мужские и женские половые признаки (Рис. 2, 7). Интересно вспомнить, что в хурритских мифах богиня любви и плодородия Ша-вушка иногда выступала в мужской ипостаси. Из этого следует, что антропоморфная статуэтка с «трехзубчатой короной» на голове, сидящая женщина на головной булавке (Рис. 2, 6) и человек, восседающий на «троне», из скульптурной композиции передают образ одного и того же божества – богини любви и плодородия. У хурритов она известна под именем Шавушка, в аккадской мифологии – Иштар. Но Шавушка в иконографии, как правило, изображается стоящей. А вот богиня – мать, «госпожа небес», супруга верховного бога Тешуба Хебат в хурритской мифологии изображается восседающей на троне. В мифологии горцев Восточной Грузии встречается образ богини местности Ад-гилис деда. Хевсуры представляют ее в виде красивой женщины с серебряными украшениями. Вспомним, что на шее чадаколовской фигурки висят ожерелья. Полагают, что первоначально она почиталась по всей Грузии, как богиня плодородия. Этот образ мог быть принят от грузин соседними дагестанскими горцами. Как называлась она у населения, оставившего Чадако-ловское святилище, мы не знаем.

В хурритской мифологии упомянутые женские божества также выполняли роль местных покровителей, локальных божеств. Из этого следует, что восседающая на «троне» женщина передает образ богини плодородия и любви. А вся композиция восседающей на «троне» богини и противостоящего мужчины, скорее всего, передает какой-то мифологический сюжет, важный для жизни общества. На голове богини и противостоящего человека одинаковые головные уборы. Центром композиции является цилиндрический сосуд, воспринимаемый, как сосуд изобилия. В него упирается фаллос мужчины. На его краю покоятся правые руки богини и мужчины, а их левые руки упираются в собственные бока (Рис. 5). Здесь довольно выразительно передана сцена заключения священного брака между богиней и смертным мужчиной, сцена приобщения мужчины к власти и богатству через сексуальный акт с богиней через сосуд изобилия.

Таким образом, приведенные рассуждения указывают на чадаколовское святилище, как на храм богини плодородия, а культовые артефакты характеризуют материальную и духовную культуру населения, оставившего памятник и позволяют уточнить его хронологию.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1980. Т. 9. С. 131–132.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. № 3. 1971. С. 106–134.

- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. Л., 1961. С. 57–87.
- Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1963. 255 с.
- Ахмедханов К.Э.* Путешествие по Дагестану. Из серии «По родным просторам». М.: изд. «Физкультура и спорт», 1988. 272 с.
- Багаев М.Х.* Культура Горной Чечни и Дагестана. М.: Наука, 2008. 455 с.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 140 с.
- Воронов Ю.Н.* Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука. ГРВЛ, 160 с.
- Воронов Ю.Н., Юшин В.А.* Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. № 1. 1973. С. 171–192.
- Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969. 178 с.
- Гаджиев М. С.* Бронзовая статуэтка из Гигатля (Дагестан) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции. Самара, 2000. С. 34–37.
- Гаджиев М.С.* Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики) // Российская археология. 1997. № 2. С. 222–228.
- Гаджиев М.С.* К интерпретации бронзовой статуэтки из Гигатля (Дагестан) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. С. 76–86.
- Гаджиев М.С.* О хронологии и интерпретации бронзовых статуэток Северо-Восточного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения». Тез. докл. М., 1996. С. 49–50.
- Граков Б.Н.* Скифы. М.: изд. МГУ, 1971. 200 с.
- Давудов О.М.* Бронзовые статуэтки воинов из Западного Дагестана и Горной Чечни // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 44. 2012. С. 38–42.
- Давудов О.М.* Хронология антропоморфных статуэток Северо-восточного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 1 (29). С. 104–132.
- Давудов О.М.* Еще раз о пряжках бежтинского типа // Древности Дагестана. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1974. С. 106–120.
- Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1974. 192 с.
- Давудов О.М.* О генезисе некоторых форм кинжалов на Кавказе // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1980. С. 62–77.
- Давудов О.М.* Статуэтки воинов западного Дагестана и горной Чечни // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала: изд. «Мавраев», 2012. С. 308–310.
- Давудов О.М.* Хронология антропоморфных статуэток Северо-восточного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1 (29). 2012. С. 104–132.
- Давудов О.М., Маммаев М.М.* Художественный металл Западного Дагестана VIII–X вв. (зооморфные пряжки). Махачкала: изд. ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 150 с.
- Давудов О.М.* Бронзовые статуэтки воинов из Западного Дагестана и Горной Чечни // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 44. 2012. С. 38–42.
- Давудов Ш.О.* Археологические находки из окрестностей с. Алмак // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2006. № 4 (8). С. 55 – 70.
- Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА № 3. М.–Л.: изд. АН СССР, 1941. С.
- Джавахишвили А.И., Глонти Л.И.* Урбниси. Вып. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби (Туления-Кохи). Тбилиси, 1962.
- Джапаридзе О.М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореф. канд. дис. Тбилиси: изд. «Мецниереба», 1962. 47 с.
- Доманский Я., Пиотровский Ю.* Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // Сообщения Государственного Эрмитажа. 49. Л., 1984. С. 36 – 38.
- Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. 145 с. + илл.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия / Ред. И.М. Дьяконов. М.: ГРВЛ, 1983. 534 с.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пущено: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // Археология СССР. САИ В2-5. М: Наука, 1982. 177 с.

Крупное Е.И. Новые данные по археологии Северного Кавказа по материалам экспедиции 1956 г. // СА. 1958. № 3. С. 97–110.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С 96–120.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: АН ГССР, 1949. 230 с.

Куфтин Б.А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Тр. ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956. С. 256–295.

Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 364 с.

Маразов И. Хиерогаммията от Летница // Археология. 18. Кн. 4. София, 1976. С. 5.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. № 83 1960. 152 с.

Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у с. Гатин Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. С. 124.

Мифы народов мира / под ред. Токарева С.А. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. 671 с.

О'Коннелл М., Эйра Р. Знаки и символы. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2008. С. 112.

Очиаури Г.А., Сургуладзе И.К. Кавказско-иберийских народов мифология // Мифы народов мира / под ред. Токарева С.А. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 603.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1967. 175 с.

Раевский Д. С. Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой могилы) // ВДИ. № 3. 1978. С. 115–133.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 216 с.

Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и Боспоре // ИАК. 49. Спб., 1913. С. 1–62, 133–140;

Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала: изд. ДагФАН СССР, 1961. Т. 2. С. 167–219.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: изд. «Иностранная литература», 1956. 324 с.

Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М.: изд. иностранной литературы, 1952. 466 с.+ илл.

Чубинивили Т. Амиранис Гора. Тбилиси: Мецниереба, 1963. С. 97. Рис. 14.

Gadjiev M.S. Interpretation of a bronze figurine of warrior from Gigat' (Daghestan) // Webfestschrift. Eran ud Aneran. Studies presented to Boris Ilich Marshak in Occasion of His 70-th Birthday. Electronic Version. Matteo Compareti, Paola Raffetta, Gianroberto Scarcia – Editors // <http://www.transoxiana.com.ar/Eran/Articles/gadjiev.html>.

Gadjiev M.S. Interpretation of a Bronze Figurine of Warrior from Gigat' (Daghestan) // Eran und Aneran. Istudies Presented to Boris Il'ich Boris I. Marsak on the Occasion of His 70th Birthday. Ed. by Matteo Comparetti, Paola Raffetta, Gianroberto Scarcia. Venezia, 2006, p. 199–212.

Ghirschman R. Fouilles de Sialk, pres de Kashan, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1933, 1934, 1937. V. I. Paris, 1938.

Schaeffer Claude F.A. Stratigraphie comparee et chronologie de TAsie Occidentale (III-e et II-e millenaires). Oxf – L., 1948. Pp. 64, 65.

Schaeffer Claude F.A. Stratigraphie comparee et chronologie de TAsie Occidentale (IIIe et II-e millenaires). Oxf. – L., 1948. 653 p. + ill.

Schliemann H. Ilios, ville et pays, des Troyens. Paris, 1885.

Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937. XXI, 478 p.

Рис. 1. Поляна, где располагалось святилище.

На месте, где был обнаружен клад, стоит Омаров О.М. (в темной куртке).

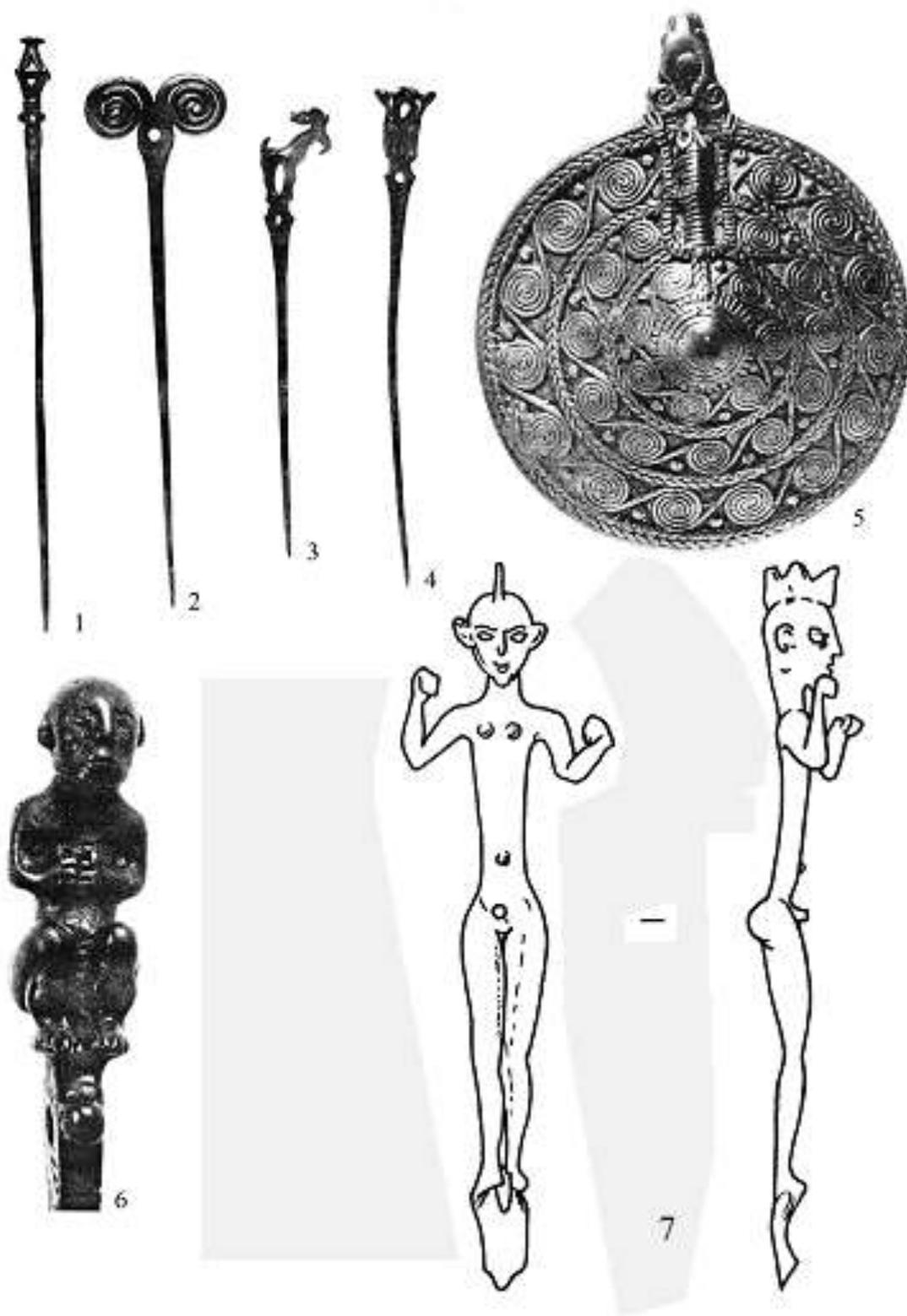

Рис. 2. Находки из Чадаколюб.

1 – 6 – из святилища (по Я. Доманскому и Ю. Пиотровскому)

Хр. в ГЭ. 7 – статуэтка из Чадаколюб.

Рис. 3. Находки из Чадакологского святилища.

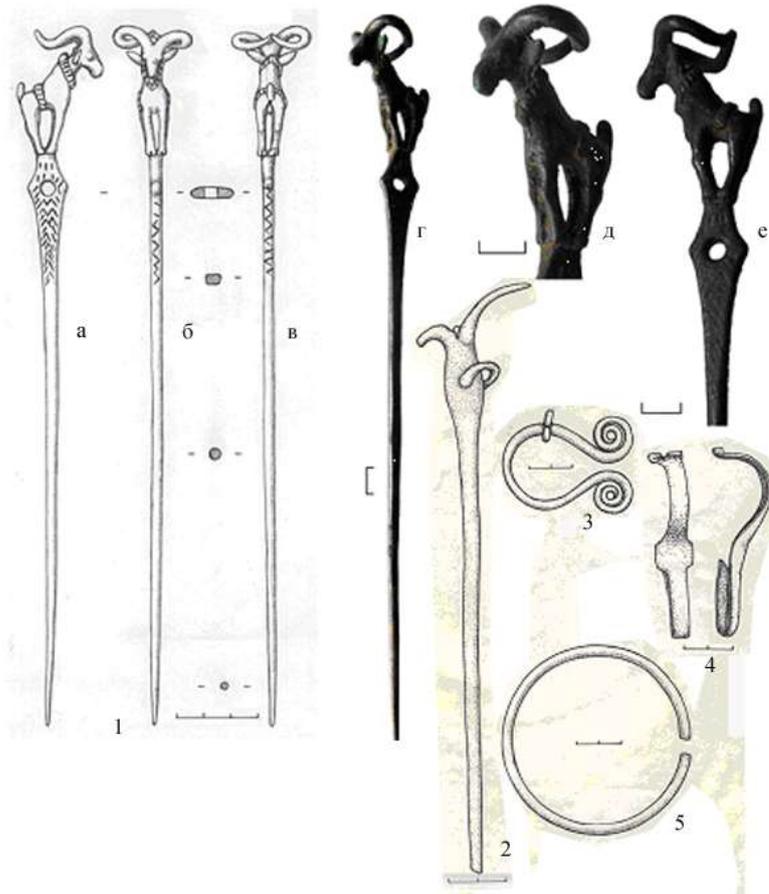

Рис. 4. Головные булавки из Чадаколовского святилища 1–5 – бронза.
1 – с навершием в виде (тура) козла, 2– деформированная,
3– пряжка-сюльгама, 4 – фибула, 5– браслет.

Рис. 5. Скульптурная композиция из сел. Чадаколюб.
а – фотография; б – рисунок.

